

Т.А. Вархотов

к.филос.н., доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт экономики РАН (Москва)

МЕТОД ПРОТИВ ИСТИНЫ

(Часть 1. По направлению к одномерности — становление критической теории Франкфуртской школы)

Аннотация. Статья является первой частью исследования, посвящённой развитию теоретических взглядов первого поколения Франкфуртской школы. Основное внимание уделяется её месту в истории марксистской социальной теории и «левой идеи» в XX в. В этом контексте рассматриваются отношения Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, являющегося институциональным ядром Франкфуртской школы, с советским марксизмом, а также степень изначального соответствия интересов лидеров Франкфуртской школы марксистской традиции и причины их постепенно отхода от марксизма начиная с 1930-х гг. Отмечается немарксистский характер интересов и профессионально-образовательного бэкграунда ведущих сотрудников Института и резкий отход от первоначальных позиций исторического материализма с приходом на должность директора М. Хорхаймера. Подчёркивается существенное влияние на теоретическое развитие и политическую позицию лидеров Франкфуртской школы прихода к власти в Германии национал-социалистов и вынужденной эмиграции — в отличие от опекаемых государством советских коллег, сотрудники Института оказались в ситуации социально-политического сиротства. Отмечается, что центральной темой исследований Франкфуртской школы после провозглашения во второй половине 1930-х гг. «критической теории» ключевым методологическим ориентиром становится «авторитарная личность», в которой Т. Адорно, М. Хорхаймер, Г. Маркузе и Э. Фромм (с работ которого об «авторитарном характере» и начинается разработка этой темы) видят основание социальной несправедливости и тоталитаризма. Утверждается, что концепция «авторитарной личности» выворачивает наизнанку первоначальный исторический материализм, характерный для исследований сотрудников Института в 1920-х гг., и психологизирует политические отношения, а также формирует средства социальной стигматизации и дискриминации инакомыслящих. Это обнаруживает во взглядах самих лидеров Франкфуртской школы признаки «авторитарной личности» и одномерности, которые выступали для них основными объектами критики.

Ключевые слова: методология, марксизм, отчуждение, Франкфуртская школа, критическая теория.

JEL: A12, A13, B24, B51

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_7_21

© Т.А. Вархотов

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вархотов Т.А. (2023). Метод против истины (Часть 1. По направлению к одномерности — становление критической теории Франкфуртской школы) // Вопросы теоретической экономики. №2. 2023. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_7_21.

FOR CITATION: Varkhotov T.A. Method Versus Truth (Part 1. In the Direction for One-Dimensionality — the Formation of Frankfurt School's Critical Theory) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 2. 2023. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_7_21.

Поодаль как от государства, так и от общества.

С. Джеффрис. Гранд-отель «Бездна»

Пролог: рожденные кризисом «левой идеи»

Последняя четверть XIX — первая четверть XX в. по праву может претендовать на звание периода исторического апогея «левой идеи», как бы широко ни понималось это довольно мутное словосочетание, объединяющее пёстрое и недружное множество политических течений¹. Вызванное к жизни промышленной революцией и стремительным развитием капиталистической экономики рабочее движение в течение XIX столетия обрело институциональные формы — от профсоюзов до политических партий — и стало социальной основой для множества перемен как в области политической организации общественной жизни², так и в области идеологии и социальной теории.

Задача сформулировать «левую идею» — одна из самых неблагодарных, однако вчерне и без претензии на полноту или строгую обязательность перечисляемых моментов для всех «левых» без исключения можно считать её идеологемой борьбы за справедливое социальное устройство, понимаемое как безусловное социальное равенство, свободное от эксплуатации труда, дискредитации по имущественному, расовому или иным признакам, а также исключающее отчуждение³, традиционно связываемое с капитализмом и порождаемыми им социально-политическими институтами [Жирнов, 2012]. Исторически, идеологически и методологически «левая идея» оказалась теснейшим образом связана с марксизмом, в подавляющем большинстве случаев выступающим её обоснованием, дискурсивной формой и средством теоретической экспликации.

Все перечисленные моменты исторически являются достаточно принципиальными: «левая идея» рождается как идеология борьбы, собирательным врагом в которой выступает «капитализм» [Бузгалин, 2011]. Для многих современных теоретиков недовольство «капитализмом» или попросту актуальной формой устройства общества — основной ресурс «левой идеи», сохранившийся до настоящего времени и позволяющий рассчитывать, что пока существует социальный порядок, у него будут критики, и эти критики будут «левыми», т.е. атакующими наличное социальное устройство за недостаток справедливости [Бауман 2007. С. 113–115].

Справедливость оказывается в этом контексте своего рода регулятивным понятием, предполагающим преодоление всех форм отчуждения (восстановление безусловной социальной солидарности, деформированной капитализмом), освобождение труда и ликвидацию любых институциональных систем дискриминации индивидов (безусловное социаль-

¹ О том, насколько недружными исторически являются носители «левой идеи», наглядно свидетельствует уже судьба Первого интернационала («Международного товарищества трудящихся», 1864–1876), распавшегося из-за противоречий между коммунистами и анархистами ещё до начала выделенного нами периода; история трёх последующих интернационалов указывает на неслучайность судьбы Первого и вполне подтверждает нашу оценку.

² Здесь можно указать, как минимум, на формирование трудового законодательства и тесно связанной с ним системы социальной защиты, а также на взаимосвязь профсоюзного движения и развития института политических партий.

³ Термин этот, восходящий к работам К. Маркса и получивший наиболее полное развитие в контексте его ранних работ, первоначально был строго связан с понятием труда и указывал на специфическое положение наёмного работника в некоммунистических социально-экономических системах, где труд отчуждается в форме продуктов и более не принадлежит субъекту, постепенно обезличивающемуся и рассеивающемуся в отчуждённых продуктах. Однако с развитием (пост)марксистских подходов и их сращиванием с (пост)психоаналитической традицией (в первую очередь как раз благодаря Франкфуртской школе) понятие отчуждения было существенно расширено и фактически утратило непосредственную связь с экономическим содержанием и концепцией труда, обозначая теперь любые формы внешней опредмечивающей объективации субъекта, подразумевающие разрушение сущностной связи субъекта с содержанием объективации и необходимость заново выстраивать отношения с этим содержанием как с «чужим», «не собой».

ное равенство). И ввиду непреходящей утопической привлекательности этих требований в сочетании с их регулятивным, т.е. недостижимым в конкретно-исторической форме статусом, «левая идея» — в отличие от левой политической практики — оказывается чрезвычайно живучей и позволяет утверждать, что «нет серьёзных оснований говорить о закате левой идеи, а тем более о её исчезновении в недалёком будущем. Очевиден кризис левой идеи, но это кризис её обновления, связанный с поисками «жизнеспособного» и «достижимого» альтернативного проекта существующему общественному строю. И работа в этом направлении не прекращается [Жирнов, 2011. С. 35; ср.: Терборн, 2021. С. 240–242].

В первой четверти XX столетия работа по поиску «альтернативного проекта» достигла пика интенсивности: деятельность Второго интернационала, объединившего силы социалистических и рабочих партий, три революции в России, закончившиеся созданием первого официально объявившего себя социалистическим государства (в форме СССР — в 1922 г.), и революция в Германии, приведшая к появлению Веймарской республики (1919 г.), — все эти события вышли далеко за рамки характерной для современного «левого движения», преимущественно риторической, критической работы и во многом обусловили дальнейший ход общемирового социально-исторического процесса вплоть до, как минимум, конца XX столетия. Однако если в России эти поиски начиная с 1920-х гг. окончательно перешли в фазу социальной имплементации «государства рабочих и крестьян», то в Германии и Западной Европе в целом к этому же времени стали очевидными политическое поражение революционных сил и кризис «левой идеи». Нагляднее всего это проявилось в расколе «левых» во время Ноябрьской революции 1918–1919 гг., который завершился поражением радикального крыла (Независимой социал-демократической партии Германии, Коммунистической партии Германии и союза Спартака) и гибелью Р. Люксембург и К. Либкнехта.

Одним из участников трагических событий января 1919 г. в Берлине был Г. Маркузе, незадолго до этого в 1917 г. вступивший в Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) в знак протеста против войны и покинувший её сразу после разгрома Ноябрьской революции. Как и его будущие коллеги по Франкфуртской школе, в дальнейшем Маркузе будет оставаться беспартийным, выражая свою политическую позицию — даже в периоды крайней радикализации доверяющих им социальных групп, включая события 1968 г., — преимущественно теоретически, с безопасного расстояния от непосредственной политической практики.

Многие годы спустя, в интервью 1972 г. Маркузе не смог ответить на вопрос о причинах отказа от вступления в ряды компартии Германии, куда, казалось бы, его должны были подтолкнуть левые взгляды и возмущение обстоятельствами гибели лидеров союза Спартака. «Я не знаю», — ответил он на вопрос интервьюера и сослался на то, что в 1919 г. «жизнь была совершенно аполитичной», при этом «наступление фашизма было очевидно, и это привело меня к усиленному изучению Маркса и Гегеля». «Всем этим я занимался для того, чтобы понять, почему, когда все подлинные условия революции были налицо, таковая либо не состоялась, либо потерпела поражение, а силы старого порядка вернулись к власти, и вся эта история началась по новой, но только в ещё худшей форме», — подытоживает Маркузе (цит. по: [Джеффрис, 2018. С. 67–68]), ретроспективно явно модернизируя события⁴, но в то же время очень точно выражая общее кредо создателей Франкфуртской школы: понять, что пошло не так и почему «левая идея» проиграла в политической практике.

⁴ Трудно поверить в то, что в 1919 г. наступление фашизма было «очевидным», и совершенно не понятно, как это утверждение сочетается с констатацией «аполитичности жизни»; по-видимому, «очевидным в тот момент» всё стало из 1972 г.

Очарованные критикой

Рождение Франкфуртской школы связано с приходом в 1931 г. к руководству Институтом социальных исследований при университете во Франкфурте-на-Майне Макса Хоркхаймера (1895–1973), который оставался директором Института вплоть до 1965 г., включая период эмиграции в 1933–1950 гг. Институт работал в Женеве, Париже и в Колумбийском университете США.

Сам Институт социальных исследований появился в 1924 г. Его основателем был «научный марксист» К. Грюнберг — главный редактор «Архива по истории социализма и рабочего движения» (издавался в 1911–1930 гг.). В этом журнале публиковались ранние работы К. Маркса, архивные исследования по истории рабочего движения, а также статьи по «социалистическим теориям и этюды по теории марксизма» [Васютинский, 1927. С. 212–217]. Журнал, с некоторыми оговорками, воспринимался комплиментарно и в советской России (его читал и хвалил за публикации уникальных архивных материалов В.И. Ленин), при этом «Архивы» резко противопоставлялись «идеалистическому» *Historische Zeitschrift*⁵. С Институтом был связан достаточно широкий круг исторических фигур, в разной степени и форме симпатизировавших марксистской философии, соответствующему политическому течению и Советской России — экономистов, историков, философов, психоаналитиков; одно время в библиотеке Института регулярно работал впоследствии ставший знаменитым советский разведчик Р. Зорге [Джеффрис, 2018. С. 101–102].

Вплоть до начала 1930-х гг. связанные с Институтом авторы воспринимались в советской России как часть общего марксистского движения⁶. В частности, в 1929 г. в журнале «Под знаменем марксизма» вышли большая работа К. Виттфогеля «Геополитика, географический материализм и марксизм», посвящённая критике «буржуазного искажения» материалистического понимания истории [Виттфогель, 1929], и программная статья В. Райха⁷ «Диалектический материализм и психоанализ», в которой в несколько примитивной (буквально натуралистической) форме намечен характерный для будущей социальной теории Франкфуртской школы синтез марксизма как теории истории и макросоциальных процессов и фрейдизма как психологической теории личности, неразвитой в марксизме [Рейх, 1929].

Психоанализ, согласно Райху, позволяет придать представлениям об устройстве отдельной личности материалистический фундамент, связав базовые механизмы регуляции поведения с корнящимися в органическом устройстве («природе») человека инстинктами. Идея Райха состояла в том, чтобы историзировать ключевые фрейдистские концепты — трехкомпонентную структуру личности («эго», «супер-эго» и «оно»), принцип удовольствия и принцип реальности, связав их с экономическими и политическими институциональными порядками: «Принцип реальности, каким мы его знаем теперь, есть принцип данного общества. В понимании принципа реальности психоаналитики сплошь и рядом впадают в идеалистический уклон. Так, принцип реальности часто изображается как абсолютная данность. Под приспособлением к реальности понимают просто приспособление к обществу, что в применении к педагогике или лечению неврозов является несомненно консервативной установкой. Конкретно говоря: принцип реальности в капиталистическую эпоху требует от пролетария крайнего ограничения его потребностей без

⁵ «Исторический журнал» — один из старейших научных журналов, основанный Генрихом фон Зибелем в 1859 г.

⁶ В 1920-х гг. сюда входили и такие марксисты, как весьма значительно повлиявший на становление теоретического каркаса Франкфуртской школы Д. Лукач, впоследствии резко от неё отмежевавшийся [Lukács, 1962].

⁷ В 1929 г. в советском переводе использовалось написание фамилии этого автора как «Рейх».

ссылок на религиозную заповедь смирения. Он требует также моногамической формы половой жизни и многого другого. Всё это укоренено в экономических условиях; господствующий класс утверждает принцип реальности, который служит интересам сохранения его власти. Воспитание пролетария в духе подчинения этому принципу реальности, как какой-то абсолютной норме, требуемой хотя бы во имя культуры, равносильна утверждению эксплуатации, утверждению капиталистического строя» [Рейх, 1929. С. 187].

По сути, социальная революция в тот момент отождествляется Райхом с революцией сексуальной. Он довольно остроумно интерпретирует концептуальный аппарат фрейдизма в терминах материалистической диалектики (например, невроз превращается в антитезис либидо, а терапия оказывается формой синтеза, снимающего противоречие между тезисом и антитезисом) и настаивает, что «психоанализ понимает, хотя и бессознательно, все душевные процессы диалектически» [Рейх, 1929. С. 201]. В этом весьма иронично звучащем для внимательного читателя «психоанализе» бессознательного главы теории бессознательного — З. Фрейда раскрывается и специфика понимания Райхом марксистской диалектики, которая в его исполнении имеет ярко выраженный историко-материалистический окрас: под историчностью содержания базовых понятий психоанализа Райх имеет в виду их прямую зависимость от конкретно-исторического состояния общества и классового сознания. Поэтому «по мере развития капитализма... началось заражение пролетариата буржуазной идеологией, всё более усиливающейся в наши дни. Благодаря этому сексуальное вытеснение проникло также в пролетариат, хотя здесь оно и не достигло таких размеров, как среди мелкой буржуазии...» [Рейх, 1929. С. 204]. И, наконец, «Марксизм опрокидывает старые ценности с помощью экономической революции и материалистического мировоззрения, психоанализ делает или мог бы сделать то же самое с помощью психологии. Но так как в буржуазном обществе он обречён на социальную бездеятельность, то это его действие может обнаружиться только после победы социальной революции...» [Рейх, 1929. С. 206].

Безусловным сторонником исторического материализма в это время обозначил себя и прославившийся впоследствии яростной критикой Советского союза историк, синолог, автор теории гидравлических цивилизаций К. Виттфогель: «тезис Плеханова о том, что только соединённое исследование природных и общественных условий производства в данный исторический момент может разоблачить “глубочайшие тайны истории”, представляет собою единственную действительно точную передачу буквы и духа марксова понимания истории» [Виттфогель, 1929. С. 27].

Однако уже в следующем десятилетии интеллектуальный климат в Институте социальных исследований стремительно меняется. Закончатся эти изменения переходом ключевых сотрудников Института на совершенно другие теоретические позиции и их превращением в едва ли не самых непримиримых и радикальных критиков советского марксизма и СССР в послевоенный период.

Столь резкая смена курса, отнюдь не характерная для «западного марксизма» в целом и парадоксальным образом долгое время сочетавшаяся у представителей Франкфуртской школы со столь же непримиримым — правда, преимущественно, теоретическим (см. ниже) — отторжением капиталистического «западного» социального проекта, связана с несколькими разнотипными факторами, часть из которых носит теоретико-методологический характер и принадлежит интеллектуальной истории марксизма, часть — конкретно-исторический и коренится в эффектах встречи конкретных людей с конкретными обстоятельствами, а часть проявляется по мере отказа от стереотипных идеологических представлений, изображающих Франкфуртскую школу как относительно монолитное целое, безусловно располагающееся на интеллектуальной территории «марксизма» и нередко выступающее эталонным олицетворением «западного марксизма» эпохи холодной войны.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на весьма размытый характер оснований той общности, которая подразумевается при отнесении сотрудников Института социальных исследований к единой «Франкфуртской школе». Поскольку термин является устоявшимся, бороться с ним бессмысленно, однако всё же стоит обратить чуть более пристальное внимание на ряд хорошо известных нюансов.

Во-первых, среди исследователей Франкфуртской школы нет даже намёка на согласие в вопросе о том, кто же был её центральной фигурой. Эта роль по разным основаниям и всякий раз весьма убедительно отдаётся, как минимум, пятерым её участникам — М. Хоркхаймеру [Михайлов, 2008а], который был директором Института; Т. Адорно [Джеффрис, 2018], Г. Маркузе, В. Беньямину и даже Э. Фромму, который перестал быть сотрудником Института ещё в 1939 г., но работа которого «была центральной для ранней деятельности Франкфуртской школы» [McLaughlin, 1999]⁸. При этом перечисленные авторы защищали достаточно сильно отличающиеся теоретические позиции, по-разному проявляли себя в политической практике и были связаны не самыми простыми личными отношениями⁹.

Во-вторых, несколько дезориентирующим оказывается и само представление о Франкфуртской школе как об изначально марксистской.

Основатель и первый директор Института социальных исследований К. Грюнберг, действительно, был марксистом, членом Социал-демократической партии Австрии, и, как и положено классическому марксисту, имел экономическое образование. Однако сменивший его М. Хоркхаймер имел совершенно иной образовательный бэкграунд и вектор профессиональных интересов. Хоркхаймер был учеником неокантианца Г. Корнелиуса и первоначально интересовался вопросами философии науки и методологии общественных наук, которую он видел сходной с естественнонаучной [Михайлов, 2008а. С. 132]. Его увлечение Марксом не имело никаких партийных или доктринальных оснований и исходно питалось именно методологическим интересом к теории общества — это, в частности, ясно видно из содержания доклада Хоркхаймера «Современное состояние социальной философии и задачи Института социальных исследований», сделанного при вступлении на должность директора Института в 1931 г., и подтверждается написанной в конце 1920-х неопубликованной рецензией Хоркхаймера на немецкий перевод работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»; главный мотив написания Хоркхаймером этой рецензии заключался «в желании “отстоять” Маха» [Михайлов, 2008а. С. 134].

Т. Адорно первоначально занимался философской эстетикой и музыковедением, Э. Фромм был прежде всего практикующим психоаналитиком, и лишь Г. Маркузе с самого начала более-менее подходил под определение «философа-марксиста», однако даже его марксизм испытал инородное с точки зрения марксистской ортодоксии воздействие — критики раз за разом будут подчёркивать влияние на философию Маркузе его учителя — М. Хайдеггера [Штейгервальд, 1971. С. 74]. Пожалуй, в большей степени, нежели теоретические интересы, членов Франкфуртской школы объединяло «общее происхождение из привилегированных семей светских евреев и бунт против коммерческого духа своих отцов» [Джеффрис, 2018. С. 20] (за исключением, разумеется, Э. Фромма, единственного

⁸ Имеется в виду неопубликованное исследование социальной психологии немецких рабочих, начатое в 1929 г., которое, возможно, стало основой для разработанной Т. Адорно в 1940-х гг. теории авторитарной личности [McLaughlin, 1999. P. 115].

⁹ Личные отношения — тонкая материя, однако некоторые биографические факты свидетельствуют о непростых отношениях между претендентами на историческую роль самого влиятельного представителя франкфуртской школы. Например, В. Беньямин длительное время находился в интимной переписке с Гретой Карплюс, женой считавшего Беньямина своим другом и высоко ценившего его как мыслителя Т. Адорно; а Э. Фромм был уволен М. Хоркхаймером из Института социальных исследований, чтобы освободить место Т. Адорно, у которого, в отличие от Фромма, не было альтернативного источника дохода в виде психоаналитической практики.

среди франкфуртцев выходца из раввинской семьи, никогда не пытавшегося порвать со своими национально-религиозными корнями)¹⁰.

В результате соединения фрейдизма, гегельянства, марксизма, неокантианства и гештальтпсихологии, привнесённых различными сотрудниками Института социальных исследований, наметился «явный отход от ортодоксального марксизма и разработка новой теории... в которой собственно марксистской осталась лишь идея критики капитализма» [Бронзино, 2007. С. 52].

Наконец, рискнём предположить существование очень важного «в-третьих». В 1923 г. вышла книга Дьёрдя (Георга) Лукача «История и классовое сознание» [Лукач, 2003]. В главе «Феномен овеществления» Лукач формулирует концепцию отчуждения и товарного фетишизма, в котором «отношение, связь между лицами [Personen] приобретает вещественный характер и тем самым — “призрачную предметность”, которая своей жёсткой, с виду совершенно замкнутой и рациональной, автономной закономерностью стирает всякий след своей фундаментальной сущности отношений между людьми» [Лукач, 2003. С. 180]. В результате овеществления воспроизводится субъект-объектное отношение, «возникает мир готовых [fertig] вещей и вещных отношений», а также отчуждённых от человека «законов общества» [Лукач, 2003. С.183]. Целостная действительность, пронизанная деятельностью человека, распадается на отдельные отчуждаемые объекты, «призрачные предметности», что открывает возможность для «принципа рационализации, ориентированной на калькуляцию» [Лукач, 2003. С.184]; мир становится квантитативным и вычислимым, а «человеческие свойства и особенности рабочего всё больше выступают лишь как источники погрешностей по отношению к заранее рассчитанному функционированию этих абстрактных частных законов. Человек ни объективно, ни в своем поведении в трудовом процессе не является его подлинным носителем; как механизированная часть он вводится в механическую систему, которую он пред-находит готовой и функционирующей независимо от него, — систему, законам которой он должен беспрекословно подчиниться» [Лукач, 2003. С. 185].

Развитая Лукачем уже в 1923 г. концепция овеществления, с которой, несомненно, были хорошо знакомы все лидеры Франкфуртской школы, содержит ряд черт, ставших впоследствии фирменными особенностями франкфуртской версии марксизма. Это и необходимость критического отношения к любому предмету как к неподлинному, как к результату отчуждения и фетишизации, и фундаментальный скепсис в отношении инструментальной рациональности буржуазной науки, и неоднократно критикуемая впоследствии самим Лукачем в качестве порождённой его собственными ранними работами черты «западного марксизма» «тенденция к пониманию марксизма исключительно как учения об обществе, как социальной философии, к игнорированию или отбрасыванию присущего марксизму отношения к природе» [Лукач, 2003. С. 77].

Публикация в 1932 г. «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» К. Маркса закрепила развитую Лукачем тему отчуждения (овеществления) в качестве центральной для марксизма Франкфуртской школы, что в итоге стало почвой для развития «критической теории» — эпистемологической установки, отождествляющей разум с критическим отрицанием всякого наличного, опредмечивающего полагания, поскольку любые конечные формы представляют собой продукты отчуждения и частные случаи товарной фетишизации.

¹⁰ Тема еврейского происхождения представителей франкфуртской школы в силу унаследованного постсоветской культурой от эпохи СССР декларативного космополитизма и отношения к «национальной проблеме» как к пережитку предшествующих (недоразвитых) стадий развития общества не получила развития в русскоязычных исследованиях. Однако в зарубежной литературе, посвящённой Франкфуртской школе, она занимает весьма значительное место и — опираясь на многочисленные аутентичные свидетельства значимости этого сюжета для самих франкфуртцев — служит важным ресурсом объяснения идеологии и кадровой политики Института социальных исследований (см., например: [McLaughlin, 1999; Bahr, 1978; Rabinbach, 1995; Джеффрис, 2018]).

«Критическая теория» родилась около 1937 г. и со временем развилась в ряд знаковых для Франкфуртской школы концепций — от аффирмативной культуры и диалектики просвещения до авторитарной личности, одномерного человека и негативной диалектики. В свою очередь все эти концепции, как и их авторы, исходно отвечали на конкретно-исторические вопросы: почему революционное движение потерпело поражение в Западной Европе, как стал возможным приход к власти национал-социалистов и как при декларативной безусловной ценности человеческой свободы современные общества смогли оказаться в политическом состоянии предельного от неё удаления.

Однако очень быстро критический пафос увёл адептов «критической теории» от «иллюзорных предметностей» и фетишизированных объектов конкретно-исторического к защите критики как таковой — как (единство подлинного и аутентичного) способа жизни разума, для которого мыслить означает не допускать овеществления, соскальзывать с готовых форм и воспроизводить чистую самоценную негативность. «Наука Маркса есть критика буржуазной экономики, а не набросок экономики социалистической», — писал (пожалуй, несколько искажая действительность) М. Хоркхаймер в 1942 г. (цит. по.: [Михайлов, 2008а. С. 179]). А в являющейся, наверное, предельным воплощением «критической теории» «Негативной диалектике» (1966 г.) Т. Адорно утверждает, что «мышление, для того чтобы быть истинным, сегодня обязано всякий раз мыслить в антитезе к самому себе» [Адорно, 2003. С. 325]. Хоркхаймер в 1968 г. высказывался о том же проще: «Себя самого я считаю критическим теоретиком. Это значит: я могу сказать, что ложно, но не могу определить, что правильно» (цит. по.: [Михайлов, 2008а. С. 179]).

Понятно, что превращение критики в самоцель, а критической установки в эпистемическую добродетель не оставляет шансов на какую-либо позитивную программу. «Критическая теория» в этой ситуации может воспроизводиться только в качестве исключительно методологического проекта, разрушающего любую онтологию как естественный объект критики; как довольно точно охарактеризовал этот проект один современный исследователь, «союз радикальной критики и рефлексивного отчаяния» [Gunderson, 2015. P. 27].

В то же самое время за пределами «гранд-отеля “Бездна”», ставшего с лёгкой руки Д. Лукача поэтическим обозначением места Франкфуртской школы на карте интеллектуальной истории XX в., вектор развития социальной теории и политической практики был совершенно иным.

От марксизма к психоанализу: на пути к теории авторитарной личности

Хотя радикальный разрыв Франкфуртской школы с советским марксизмом и государством пришёлся на период начала холодной войны, существенные разногласия и противоположные вектора теоретического развития отчетливо видны уже, как минимум, с середины 1930-х гг.

В июле 1935 г. в редакционной статье «Литературной газеты», посвящённой встрече М. Горького с Р. Ролланом, пространное рассуждение об истории гуманизма было подытожено следующим образом: «Лицемерием и ложью пропитан “гуманизм” буржуазии, пришедшей к власти... Только наш, советский, социалистический гуманизм означает всестороннее, коренное освобождение, расцвет, счастливое рождение нового человечества, трудящегося, творящего. Труд, раскрепощающий человека, — вот основа нашего гуманизма» [Пролетарский гуманизм, 1935. С. 1].

В приведённой цитате ясно сформулированы те черты советской идеологии, которые уже на тот момент оказываются несовместимыми с идеологической позицией, вызревающей внутри Франкфуртской школы: культ труда, отказ от социально-исторической

тотальности («мировой революции») в пользу «коммунизма в отдельно взятой стране» и (государственная) монополия на истину. В это же время формирующаяся «критическая теория» движется в противоположном направлении: критика фетишизации любых «иллюзорных предметностей», в особенности превращаемого политическим марксизмом в предмет квазирелигиозного поклонения труда (уже в 1934 г. Хоркхаймер утверждал, что «Маркс фетишизировал категорию труда» [Джеффрис, 2008. С. 128]); признание поражения мировой революции и невозможности оценить сложившуюся после этого ситуацию средствами классического марксизма; принципиальное неприятие любых претензий на истину, которые, как минимум, начиная с теории аффирмативной культуры¹¹, рассматриваются как форма и одновременно средство репрессии.

Укрепление государственности и политических позиций СССР, в котором марксизм имел статус не просто государственной идеологии, а своего рода гражданской религии, закономерно вело к концентрации усилий обеспечивающего воспроизводство официальной доктрины интеллектуального сообщества на адаптации оригинального «символа веры» (корпуса канонических марксистских работ) к социально-политическим реалиям исходя из взглядов, возможностей и интересов активно развивающегося и усиливающего свои позиции на международной арене социалистического государства. Представители Франкфуртской школы, в отличие от их опекаемых государством советских коллег, напротив, всё в большей степени оказывались в ситуации социально-политического сиротства: за провалом революции в Западной Европе последовало быстрое восхождение национал-социализма и вынужденная иммиграция; около 15 лет (1934–1949) Институт социальных исследований и его ключевые фигуры проведут в статусе изгоев, что не могло не сказаться на их взглядах и работах¹².

Несложно заметить если не причинную связь, то, как минимум, выразительную корреляцию между характером включения лидеров Франкфуртской школы в социально-политическую жизнь и развитием их теоретических позиций. Приход Гитлера к власти в Германии кардинально изменил жизнь Института социальных исследований: поскольку все ведущие сотрудники были евреями и числились марксистами, а Гитлер уже в феврале 1933 г. настаивал на необходимости «уничтожить марксизм с корнем» [Запись..., 1998], в 1933–1934 гг. Институт покинул Германию, постепенно перебравшись в США. При этом К. Виттфогель успел провести некоторое время в концентрационном лагере и был с трудом вызволен оттуда при посредничестве дружественных новой германской власти коллег по интеллектуальному цеху (прежде всего — К. Хаусхоффера). В. Беньямину выпала ещё более тяжёлая судьба — в 1940-м г. он скончался при невыясненных обстоятельствах на границе Испании и Франции, пытаясь добраться до ещё отправляющего беженцев порта и покинуть Европу [Джеффрис, 2018. С. 228–232].

Последним произведением В. Беньямина, опубликованным посмертно в 1942 г., стали тезисы «О понятии истории», которые передала Т. Адорно сумевшая выбраться из Европы Х. Арндт. В них В. Беньямин утверждал, что «вульгарно-материалистическое понимание того, что представляет собой труд, не слишком задерживается на вопросе, как его продукт отражается на самих рабочих, пока они не могут располагать им. Оно восприимчиво лишь к прогрессу покорения природы, но не к регрессу общества. Оно уже

¹¹ Из статьи Г. Маркузе «Аффирмативный характер культуры» (1937): «Её главная характеристика — утверждение общеобязательного, лучшего и более ценного мира, который должен быть безусловно утверждён: мира, который по своей сущности отличен от фактического мира ежедневной борьбы за существование, однако может быть реализован каждым индивидом для себя, “изнутри” без трансформации фактического положения дел» [Маркузе, 2011. С. 327].

¹² Хотя отсылка к «настроению» и жизненным обстоятельствам при объяснении больших сюжетов истории идей всегда остаётся сомнительной, подчёркивание специфики положения франкфуртцев в США, сложностей их адаптации к местной академической среде и идеологическому климату является общим местом среди англоязычных исследователей Франкфуртской школы [Jau, 1996. P. 140; Терборн, 2021. С. 126].

обнаруживает технократические черты, позднее встречающиеся у фашизма. К этим чертам принадлежит понятие природы, роковым образом отличающееся от социалистических утопий, предшествовавших революции 1848 г. Труд, как он отныне понимается, сводится к эксплуатации природы, которая с наивным удовлетворением противопоставляется эксплуатации пролетариата» [Беньямин, 2000. С. 85].

«Тезисы» Беньямина, объективно весьма смутные по своему содержанию, но усиленные трагической и загадочной смертью их автора, оказали колоссальное воздействие на социально-политическую мысль второй половины XX в. в целом¹³ и «электризирующее влияние на Адорно и Хоркхаймера» [Джеффрис, 2018. С. 232] в частности. Руководство Института уже с середины 1930-х гг. искало способ «выйти за границы марксистской теории, фетишизирующей экономику» [Джеффрис, 2018. С.148]. Тезисы Беньямина открывали перспективу существенно более радикальной критики современности, поднимающейся над конкретно-историческими обстоятельствами и в каком-то смысле возвращающейся к исходной проблеме объективации и отчуждения в её гегелевском варианте (ср. более поздние размышления на эту тему у Лукача в авторском предисловии 1967 г. к переизданию «Истории и классового сознания» [Лукач, 2003. С. 77–79]). Отчуждение, объективация и инструментализация оказываются принципиально взаимозависимыми операциями, социально-политическими коррелятами которых выступают набирающая силу на протяжении человеческой истории эксплуатация, авторитаризм и фашизм. Поэтому предметом критики становится всё содержание истории, маскирующей за прогрессистской идеологией поступательного исторического развития растущую интенсивность идущих в единой связке отношений господства, фетишизации и отчуждения.

Направление исследований Франкфуртской школы всё более смещалось в сторону социальной онтологии, одновременно отодвигая «классические марксистские экономические категории на задний план» [Терборн, 2021. С. 123]. Причина, по-видимому, коренилась в признании провала революционного движения в Западной Европе безусловной исторической победой капитализма. В сочетании с сохраняющимся квазимарксистским (точнее, всё-таки гегельянским) взглядом на историю и экономику — история есть диалектическое развитие отчуждённого, разорванного сознания, возвращающегося к себе через преодоление классовых антагонизмов — локальная историческая победа капитализма превращалась в окончательную онтологическую победу, потому что означала утрату пролетариатом способности выступить двигателем революции, осознанное принятие классовых интересов эксплуататоров и сговор с ними. В этой ситуации капитализм оказывался безальтернативной социально-экономической формацией «после поражения всемирной революции», а мнимые конкуренты — фашистская Германия и СССР — лишь вырожденными формами той же системы.

Экономические основания в такой ситуации оказывались не столь существенными, а подлинные причины происходящего отодвигались на более высокие этажи абстракции — в область культурных и психологических универсалий. Первое из этих направлений реализовалось в написанной ещё в 1944 г. «Диалектике Просвещения», сосредоточенной на критике прогрессизма, технократии и стремления к универсализму. Просвещение создало миф о Просвещении, превратив себя в нечто противоположное своей декларативной цели, создав из инструментов критики и рефлексии, из разума и знания слепой культ единообразного поклонения собственным достижениям: «...причину регресса Просвещения в мифологию следует искать не столько в специально придуманных с целью регресса националистических, языческих и прочих современных мифологиях, сколько в самом парализованном страхе перед истиной Просвещения» [Адорно, Хоркхаймер, 1997. С. 11].

¹³ Достаточно обратить внимание на тот факт, что ключевые концепты Д. Агамбена — такие, как «чрезвычайное положение» и «голая жизнь» — являются прямым развитием соответствующих идей В. Беньямина.

Во введении к «Диалектике просвещения» ясно прописаны основные идеи, которые 20 лет спустя приведут Адорно к «Негативной диалектике», а Маркузе — к «Одномерному человеку»: «В то время, как единичный человек исчезает на фоне того аппарата, который он обслуживает, последний обеспечивает его лучше, чем когда бы то ни было. При несправедливом порядке бессилие и управляемость масс возрастает пропорционально количеству предоставляемых им благ. Материально осязаемое и социально жалкое повышение жизненного уровня низших классов находит своё отражение в притворном пространстве духовности. Подлинной задачей духа является негация овеществления. Он неизбежно дезинтегрируется там, где затвердевает в культуртовар и выдаётся на руки на предмет потребления. Поток точной информации и прилизанных развлечений одновременно и умудряет, и оглушает людей» [Адорно, Хоркхаймер, 1997. С. 12].

Именно в неотвратимых, встроенных в диалектику исторического развития искажениях Просвещения на тот момент Т. Адорно и М. Хоркхаймер видели корни современного им фашизма. «Нацизм стал катализатором их мысли, радикально проблематизировав мифический нарратив о Просвещении как о процессе достижения человеком зрелости, свободы и автономии. По их мнению, вместо прогресса нравов Просвещение совершило откат к варварству, нетерпимости и жестокости. /.../ Неявным образом они считали, что и марксизм — в его тогдашней искажённой советской форме — является новым инструментом господства. Позже они опишут свою работу как “анализ перехода к миру управляемой жизни”, и возникшее при этом варварство будет обнаружено не только в Берлине, но также в Нью-Йорке, Париже, Лондоне и Москве. “Диалектика Просвещения” указывала как на отказ Франкфуртской школы от прежней верности марксизму, так и на её погружение в отчаяние» [Джеффрис, 2018. С. 251–252].

Радикализация теории отчуждения, становившейся всё менее экономической и всё более метафизической, оказалась конструктивной предпосылкой для сближения философии Франкфуртской школы с психоанализом. Понимание опредмечивания как формы господства и порождения «иллюзорных предметностей», а потребления как развития товарного фетишизма оказалось весьма созвучным (пост)фрейдистским концепциям, связывающим частичное (объективированное отчужденное) с неврозом и охотно дающим политическим отношениям власти психологическую (психоаналитическую) интерпретацию.

В результате вырисовывалась новая версия той модели, которая — тогда в духе исторического материализма — была намечена ещё в конце 1920-х гг. Однако если В. Райх искал в «принципе реальности» и нормах морали политически ангажированные репрессивные инструменты, то в 1940-х гг. лидеры Франкфуртской школы обнаруживают источник проблемы непосредственно в природе человека — в страхе свободы, являющемся «естественной» предпосылкой общества, построенного на эксплуатации и, соответственно, поражении социально-исторических движений, направленных на освобождение человека. История в этой ситуации оказывается ареной борьбы, которую ведут свободное и авторитарное начала человеческой природы, причём «свободная личность» всё время проигрывает «авторитарной личности» из-за естественного экзистенциального страха свободы, возвращающего личность к её животным основам и мешающему ей в полной мере стать человеком. Причина и следствие поменялись местами: не человеческая природа репрессирована объективированными в психологических механизмах социальными институтами, а социальные институты порождены встроенным в человеческую природу садомазохизмом.

Хотя теорию авторитарной личности принято связывать с одноименной работой, изданной исследовательской группой калифорнийского университета в 1950 г. [Адорно, Сэнфорд, Френкель-Брюнсвик, Левинсон, 2001], в действительности она была развита Э. Фроммом уже в опубликованной в 1941 г. работе «Бегство от свободы», где Фромм

использует термин «авторитарный характер»¹⁴. «Поскольку термин “садомазохистский” ассоциируется с идеями извращения и невроза, я предпочту говорить вместо “садомазохистский характер”, особенно когда имеется в виду не невротик, а нормальный человек, об “авторитарном характере”. Такая терминология оправдана, поскольку человек с садомазохистскими наклонностями всегда характеризуется особым отношением к власти. Он восхищается властью и склонен подчиняться ей, но в то же время желает сам стать властью, чтобы другие подчинялись ему. Для выбора такого термина имеется и дополнительная причина. Фашистские системы называют себя авторитарными в силу доминирующей роли авторитета в их социальной и политической структуре. Под термином “авторитарный характер” мы подразумеваем личностную структуру, которая служит человеческим фундаментом фашизма» [Фромм, 2017. С. 162].

Размышления, начатые в «Бегстве от свободы», далее получают развитие в знаменитом противопоставлении «быть» и «иметь» и в опирающемся на позднего Фрейда и экзистенциальную философию М. де Унамуно противопоставлении «биофилии» и «некрофилии» как векторов созидания и потребления, активной и пассивной жизни [Фромм, 2020. С. 40–43]. Но уже в 1941 г. Фромм ясно обозначал в качестве ключевого источника общественных проблем психологическую установку, а не социально-политический процесс или экономические отношения: «Особенностью, типичной для авторитарного мышления, является убеждение в том, что жизнь определяется силами, внешними по отношению к личности, её интересам, её желаниям. Единственно возможное счастье заключается в подчинении этим силам. Лейтмотивом мазохистской философии является бессилие человека» [Фромм, 2017. С. 169].

Человек поработает себя сам, спасаясь от собственной онтологической свободы и растворяясь во внешнем — в предметах потребления, авторитетах, социальных нормах и т.д. Конечно, наличный социальный порядок оформляет это порабощение и питается им, но в конечном счёте дело не в нем — все формы господства лишь используют готовность «авторитарной личности» починяться и подчинять, лишь оформляют бегство от свободы.

Этот же сюжет прочитывается не только у отстаивающего «негативность» как безусловное основание свободы Т. Адорно, но и у Г. Маркузе в его послевоенных работах: «Райх сделал предметом психоанализа взаимоотношение между социальной структурой и структурой инстинктов. Он подчеркнул, что сексуальная репрессия в значительной степени определяется интересами господства и эксплуатации и что эти интересы, в свою очередь, определяются и воспроизводятся сексуальной репрессией. Однако понятие сексуальной репрессии у Райха остаётся недифференцированным; он оставляет без внимания историческую динамику сексуальных инстинктов и их срастание с разрушительными импульсами (Райх отвергает фрейдовскую гипотезу влечения к смерти и глубинное измерение, открывшееся в его поздней метапсихологии. [*фактически это не вполне верное утверждение — Т.В.*]). Как следствие, сексуальное освобождение *per se* становится для Райха панацеей от индивидуальных и социальных недугов» [Маркузе, 2003. С. 207].

Вместо этого необходимо перестроить само отношение между принципом удовольствия, который, по сути, отождествляется со свободой личности и принципом реальности, который является формой господства: «новое направление прогресса будет всецело зависеть от возможности активизировать подавленные, заторможенные органические потребности: превратить человеческое тело в инструмент не столько труда, сколько удовольствия.

¹⁴ Фактическим началом исследований, вылившихся в концепцию «авторитарного характера»/«авторитарной личности», по-видимому, является проходившее с 1929 г. под руководством М. Хоркхаймера и Э. Фромма исследование психологии немецких рабочих, по не вполне понятным причинам оставшееся незавершённым и неопубликованным. «Хотя это психоаналитически сконструированное исследование так никогда и не было закончено, вывод его состоял в том, что немецкий рабочий класс бессознательно жаждет господства над собой» [Джеффрис, 2018. С. 135].

Мне казалось, что старая формула развития потребностей и способностей перестала быть адекватной, а предпосылкой и содержанием освобождения становятся новые, качественно иные потребности и способности. /.../ Но субъект истории (агент революции) оказался подавлен размахом и эффективностью демократической интродукции: свободные люди не нуждаются в освобождении, а угнетаемые недостаточно сильны, чтобы освободиться самостоятельно. Эти условия формируют иное понятие Утопии: освобождение является наиболее реалистичной и конкретной из всех исторических возможностей и в то же время наиболее рационально и эффективно подавляемой — наиболее абстрактной и отдалённой возможностью» [Маркузе, 2003. С. 240–241].

Намеченная в цитированном выше «Эросе и цивилизации» (1955 г.) проблема порабощающего освобождения — такой формы общественного устройства, при которой формы манифестации свободы и протеста эффективно используются для подавления свободы и протеста — получила полное развитие в теории репрессивной десублимации, сформулированной в книге «Одномерный человек» (1964 г.). В этой работе Маркузе параллельно с Фроммом и Адорно даёт собственную версию механизма господства, опирающегося на те ресурсы, которые в классической культуре считались естественным противником порядка как такового и ассоциировались со свободой. По мнению Маркузе, технологическое развитие общества создало условия, в которых традиционное значение «принципа реальности» как ограничителя непосредственного удовлетворения инстинктивных потребностей (сублимации) утратило смысл. «Принцип Удовольствия поглощает Принцип Реальности: происходит высвобождение (или скорее частичное освобождение от ограничений) сексуальности в социально конструктивных формах» [Маркузе, 2003. С. 336]. Одновременно происходит «локализация и сужение либидо, а также низведение эротического опыта и удовлетворения до сексуального» [Маркузе, 2003. С. 337], за счёт разрушения «высокой» культуры, упрощения доступа к ранее считавшимся элитарными предметам и практикам (превращение их в товар с помощью интеграции в систему массовой культуры) и мощной системы «преформирования»¹⁵ индивида за счёт воспитательно-образовательных институтов (семья, школа, масс-медиа и др.). «Преформирование подготавливает организм к спонтанному принятию предложенного. В той мере, в какой большая свобода ведёт скорее к сужению, чем к расширению и развитию инстинктивных потребностей и действует скорее в пользу, чем против status quo общего подавления, можно говорить об “институционализированной десублимации”. Именно она, по-видимому, становится первостепенным фактором формирования авторитарной личности в наше время» [Маркузе, 2003. С. 337–338].

Авторитаризм и авторитарная личность как его основание стали доминирующей темой Франкфуртской школы уже к 1950-м гг., а смещающая фокус этой темы с традиционного для марксизма экономико-социального контекста на психологический «идея Фромма, что садомазохизм служит предпосылкой фашизма, стала для Франкфуртской школы ортодоксальной» [Джеффрис, 2018. С. 267]. И в этом лидеры Института социальных исследований кардинально расходились с теоретиками из СССР, для которых проект Франкфуртской школы оказывался бегством в иррационализм: «они всё дальше уходили от марксизма, к которому испытывали вначале вполне “платонические” симпатии, вообще характерные для мелкобуржуазных радикалов 20–30-х годов, и приближались к позиции “культур-нигилизма” с явно левацкими политическими обертонами» [Давыдов, 1977. С. 293].

¹⁵ Преформирование (в оригинале — preconditioning / being preconditioned): «Интенсивность, способ удовлетворения и даже характер небологических человеческих потребностей всегда были результатом преформирования. Возможность делать или не делать, наслаждаться или разрушать, иметь или отбросить становится или не становится потребностью в зависимости от того, является ли она желательной и необходимой для господствующих общественных институтов и интересов или нет. В этом смысле человеческие потребности историчны, и в той степени, в какой общество обуславливает репрессивное развитие индивида, потребности и притязания последнего на их удовлетворение подпадают под действие доминирующих критических норм» [Маркузе, 2003. С. 267–268].

Более того, вынужденная эмиграция Института социальных исследований, во время которой практически все представители Франкфуртской школы *de facto* (а многие и *de jure*) были вовлечены в систему политической пропаганды и работы спецслужб США, существенно усилила обозначившуюся ещё в первой половине 1930-х схизму Франкфуртской школы и советского марксизма, а также определила последующее восприятие представителей Института в СССР.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Адорно Т., Хоркхаймер М. (1997). *Диалектика просвещения* [Adorno Th., Horkheimer M. (1997). *Dialectics of Enlightenment*]. — М.-СПб.: Медиум, Ювента.
- Адорно Т. (2003). *Негативная диалектика* [Adorno Th. (2003) *Negative Dialectic*]. — М.: Научный мир.
- Адорно Т., Сэнфорд Р., Френкель-Брюнсвик Э., Левинсон Д. (2001). *Исследование авторитарной личности* [Adorno Th., Frenkel-Brunswick E., Levinson D., Sanford R. (2001). *The Investigation of Authoritarian Personality*]. — М.: Серебряные нити.
- Бауман З. (2007). Есть ли будущее у левых? [Bauman Z. (2007). *Is There Any Future for the Lefts?*] // *Прогнозис*. № 4. С. 112–119.
- Беньямин В. (2000). О понятии истории [Benjamin W. (2000). *On the Concept of History*] // *Новое литературное обозрение*. №46. С. 81–90.
- Бронзино Л.Ю. (2007). Критическая социология Франкфуртской школы [Bronzino L.Y. (2007). *Critical Sociology of the Frankfurt School*] // *Вестник РУДН, серия Социология*. №3. С. 52–67.
- Бузгалин А.В. (2011). Преодолевая кризис [Buzgalin A.V. (2011). *Overcoming the Crisis*] // *Альтернативы*. №3. С. 147–160.
- Васютинский А. (1927). Обзор немецких исторических журналов за 1926 г. [Vasiutinski A. (1927). *Review of German Historical Journals for 1926th Year*] // *Историк-марксист*. №3. С. 212–217.
- Витфогель К. (1929). Геополитика, географический материализм и марксизм [Wittfogel K. (1929). *Geopolitics, Geographical Materialism and Marxism*] // *Под знаменем марксизма*. №№ 2–3. С. 16–42.
- Давыдов Ю.Н. (1977). *Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы* [Davydov U.N. (1977). *Criticism for Socio-philosophical Approaches of Frankfurt School*]. — М.: Наука.
- Джеффрис С. (2018). *Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы* [Jeffries S. (2018). *Grand Hotel Abyss. The Lives of the Frankfurt School*]. — М.: Ад Маргинем Пресс.
- Жирнов О.А. (2012). Левая идея: Закат или обновление? (Обзор) [Zhirnov O.A. (2012) *The Left Idea: Decline or Renewal?*] // *Актуальные проблемы Европы*. №2. С.11–36.
- Запись выступления Гитлера перед генералами рейхсвера, 03.02.1933. (1998) // 1941 год: [Сб. документов]: В 2 кн. Книга вторая. [Recording of Hitler's speech to the generals of the Reichswehr from 03.02.1933. (1998) // *The Year of 1941*. In 2 vols. Vol.2] / Сост. Л. Е. Решин и др., науч. ред. В. П. Наумов. — М.: МФД.
- Лукач Г. (2003). *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике* [Lukács G. (2003) *History and Class Consciousness. Studies for Marxian Dialectic*]. — М.: Логос-Альтера.
- Маркузе Г. (2003). *Эрос и цивилизация. Одномерный человек* [Marcuse H. (2003). *Eros and Civilization. One-Dimensional Man*]. — М.: АСТ.
- Маркузе Г. (2011). *Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике* [Marcuse H. (2011). *Critical Theory of Society: Selected Works in Philosophy and Social Criticism*]. — М.: АСТ: Астрель.
- Михайлов И.А. (2008). *Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований*. Ч. 1. 1914–1939 гг. [Mikhailov I.A. (2008) *Max Horkheimer. Formation of Frankfurt School for Social Research*. Vol. 1. 1914–1939.]. — М.: ИФ РАН.
- Пролетарский гуманизм (1935) [Proletarian humanism (1935)] // *Литературная газета*. 9 июля. №38 (529). С. 1.
- Рейх В. (1929). Диалектический материализм и психоанализ [Reich W. (1929). *Dialectical Materialism and Psychoanalyze*] // *Под знаменем марксизма*. №7–8. С. 180–206.
- Терборн Й. (2021). *От марксизма к постмарксизму?* [Therborn G. (2021). *From Marxism to Post-Marxism?*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Фромм Э. (2017). *Бегство от свободы* [Fromm E. (2017). *Escape from Freedom*]. — М.: АСТ.
- Фромм Э. (2020). *Быть человеком. Концепция человека у Карла Маркса* [Fromm E. (2020). *On Being Human. Karl Marx's concept of man*]. — М.: АСТ.
- Штейгервальд Р. (1971). «Третий путь» Герберта Маркузе [Steigerwald R. (1971). *The Third Way by Herbert Marcuse*]. — М.: Международные отношения.
- Bahr E. (1978). *The Anti-Semitism Studies of the Frankfurt School: The Failure of Critical Theory* // *German Studies Review*. Vol. 1. No. 2. Pp. 125–138.
- Gunderson R. (2015). *A defense of the «Grand Hotel Abyss»: The Frankfurt School's nonideal theory* // *Acta Sociologica*. Vol. 58. No. 1. Pp. 25–38.

- Jay M. (1996). *A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research. 1923–1950.* — Berkley: University of California Press.
- Lukács G. (1962). Preface // *The Theory of the Novel. A Historico-Philosophical Essay on the Forms of Great Epic Literature* / Georg Lukács. — London: Merlin Press.
- McLaughlin N. (1999). Origin Myths in the Social Sciences: Fromm, the Frankfurt School and the Emergence of Critical Theory // *The Canadian Journal of Sociology*. Winter. Vol. 24. No. 1. Pp. 109–139.
- Rabinbach. A. (1995). German-Jewish Connections: The New York Intellectuals and the Frankfurt School in Exile // *German Politics & Society*. Vol. 13. No. 3 (36). Pp. 108–129.

Вархотов Тарас Александрович

varkhotov@gmail.com

Taras Varkhotov

PhD (philosophy), senior lecturer, Lomonosov Moscow State University,

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

varkhotov@gmail.com

METHOD VERSUS TRUTH. PART 1. IN THE DIRECTION FOR ONE-DIMENSIONALITY — THE FORMATION OF FRANKFURT SCHOOL'S CRITICAL THEORY

Abstract. The article is the first part of a study and it is devoted to the development of the theoretical views the first generation of the Frankfurt School. The main attention is paid to its place in the history of Marxist social theory and the development of «left idea» in the 20th century. In this context, the relationship of the Institute for Social Research in Frankfurt am Main, which is the institutional core of the Frankfurt School, with Soviet Marxism is considered, as well as the degree of initial correspondence of the interests of the leaders of the Frankfurt School to the Marxist tradition and the reasons for their gradual departure from Marxism since the 1930s. The non-Marxist nature of the interests and professional and educational background of the leading employees of the Institute and a sharp departure from the original positions of historical materialism after M. Horheimer took the post of Institute's director are noted. It emphasizes the significant influence on the theoretical development and political position of Frankfurt School's leaders of the National Socialists' coming to power in Germany and forced emigration — unlike their Soviet counterparts patronized by the state, the staff of the Institute found themselves in a situation of socio-political orphanhood. It is noted that the central theme the Frankfurt School's research after the proclamation in the second half of the 1930s «critical theory» as the key methodological reference point, the «authoritarian personality» becomes, in which T. Adorno, M. Horheimer, G. Marcuse and E. Fromm (from whose works on the «authoritarian character» the development of this topic began) see the basis of social injustice and totalitarianism. It is argued that the concept of «authoritarian personality» turns inside out the original historical materialism, characteristic for the studies of the Institute staff in the 1920s, and psychologizes political relations, as well as forms the means of social stigmatization and discrimination of dissidents. This reveals in the views the Frankfurt School leaders themselves signs of an «authoritarian personality» and one-dimensionality, which were initially the main objects of criticism for them.

Keywords: *methodology, Marxism, alienation, Frankfurt school, critical theory.*

JEL: A12, A13, B24, B51.